СТРАНА СКЛОНЯЕТ СВОИ ЗНАМЕНА

Смерть большевика

А. ГАРРИ

Шестнадцать лет назад мы хоронили Урицкого и Володарского. Хрипло гудели гудки заводов. В восставшем Питере не было угля, не было дров, мокрый снег таял на розовом граните Невы. Мы хоронили их, преисполненные суровой печали, окруженные врагами со всех сторон, готовясь к кровавым боям девятнадцатого года, ко всей той пылающей неповторимым героизмом эпопее, которая называется—гражданская война. Индивидуальный террор вырвал тогда из рядов большевистской партии двух пламенных борцов, непосредственных участников Октябрьского восстания, непосредственных руководителей защиты его завоеваний.

И вот прошло шестнадцать лет. Сегодня в траурных гудках заводов слышится уже необычайная сила, полной грудью дышит наша социалистическая промышленность, выросшая и окрепшая за годы пятилетки. Кровь и голод остались позади, позади—разруха и нищета, позади—пылающие деревни, тифозные города, разрушенные машины, гигантская гекатомба материальных ценностей, которую оставил на своем пути вихрь первых лет военного коммунизма.

И потому в печали миллионов, которые в эти дни в бурном негодовании шествуют по улицам завоеванных их кровью городов и сел, есть, кроме величайшего горя и страшного гнева, еще и твердая уверенность в том, что подлым выстрелом из-за угла в одного из руководителей нашей партии, партии этой убить нельзя.

Можно убить человека. Можно отнять у класса одного из его руководителей. Можно облечь страну с населением в сто семьдесят миллионов человек в глубочайший траур, можно заставить склонить в немом оцепенении горя головы миллионов трудящихся человечества, но **нельзя уничтожить идею, которая этими миллионами движет.**

Перестало биться мужественное сердце, но последние удары его отдались в сердцах миллионов. Имя мертвого Кирова, написанное на тысячах знамен, повторенное миллионами уст, все еще живет в массах, как боевой победный клич великой пролетарской армии, продолжающей штурм капиталистического мира. В том и заключается громадность этого имени, что и после физической смерти того, кому оно принадлежало, оно продолжает быть опасным для врага.

Для того, чтобы убить даже такого человека, как Киров, требуется всего лишь десятая доля секунды, для того, чтобы уничтожить плоды его жизненных трудов, нехватило бы нескольких столетий. Мало того, и после своей смерти самая память о нем остается оружием в руках сражающегося класса, память о нем способна воодушевить миллионы людей на такие подвиги, для противодействия которым у врага нехватит убийц.

Скоро мы понесем прах Сергея Мироновича Кирова для того, чтобы замуровать его в кремлевской стене, обагренной кровью его соратников еще в Октябрьские дни,—кремлевской стене, ставшей пантеоном самых мужественных умов нашей эпохи, в седой кремлевской стене, которая уже сегодня становится священным местом паломничества для всех угнетенных и обездоленных земного шара.

Образ его мы, современники, понесем в своих сердцах для того, чтобы эти сердца не уставали биться для революции. Мы прокричим его имя на взбудоленных гневом рабочих собраниях, на колхозных сходах у наших социалистических полей, в лабораториях ученых, где цветет освобожденная социализмом наука, в детских яслях, где растет армия новых защитников мирового коммунизма, на лесах новостроек, в аудиториях наших академий.

Светлая память о мертвом большевике, погибшем от предательской руки врага на боевом посту в дни кратковременной передышки, накануне последней схватки решительного боя, будет шагать вместе с историей нашей борьбы и наших побед, для того, чтобы все те, кому суждено еще погибнуть за дело мирового коммунизма, могли бы, погибая, бросить его имя в лицо врагу, как заряд динамита.

Прощальная песня

И. МОЛЧАНОВ

Минуя поселки, посады,
Не так, не обычный, не тот—
Из траурного Ленинграда
Заснеженный поезд идет.
И наших сердец миллионы
Сквозь ветер, сквозь поезда гул
Рвались к одному из вагонов
Почетный нести караул,
Чтоб в злую минуту ненастья,
Щемящую боль затая,
Великою клятвой поклясться—
Не дрогнуть в ведущих боях!
Чтоб в днях и ночах непохожих,
Взрывая судеб рубежи,
Быть каждому малость похожим
На эту сверкавшую жизнь,
На эту железную волю,
На страстность, горевшую в ней
От темной эпохи подполья
До наших строительных дней.
...Минуя поселки, посады,
Не так, не обычный, не тот—
Из горестного Ленинграда
Заснеженный поезд идет.
И в мерзлом мерцаньи перронов
Где вечер ложится косей,
Склоняются долу знамена
Охваченных горем друзей...
И ненависть к дряхлому миру
Кипит в возмущенной крови...
...Прощай, замечательный Киров,
Товарищ, боец, большевик!
Не плакать, не охать у гроба!
Хоть тяжко... Двоятся снега...
Не сила—бессильная злоба
Дыхнула из дула врага.
Не ей, искушенной в подвохах,
Кровавый оставивший след,
Задерживать поступь эпохи
И солнечность наших побед.
За нами—огней бесконечность,
За ней—обреченная твердь.
За нами—прекрасная вечность,
За ней—неизбежная смерть!

Тов. Сталин, тов. Киров, тт. Каганович, Орджоникидзе и Микоян возвращаются с парада физкультурников Москвы (1932 г.).

Тов. Сталин и тов. Киров (снимок сделан в 1926 г. в Ленинграде).

„Так дайте же, товарищи,... клятву, что вы действительно не за страх, а за совесть, не только обуреваемые революционным порывом, но и коммунистическими знаниями, завершите величайшую задачу, по которой скучает человечество уже целую тысячу лет" *(Из речи тов. КИРОВА 24 февраля 1925 г.).*

Здравствуй, товарищ Киров!

Сегодня к нам, в Москву, приезжает в последний раз—и навсегда—товарищ Киров. Его прах будет покоиться в Кремлевской стене, рядом с Ильичем, там, где лежат на вечном ложе славнейшие герои великой революционной борьбы. Он уже не увидит моря знамен и миллионных масс, творящих новый мир; он не услышит грохота победных салютов и жужжанья моторов в ясных небесах, что раскинулись лазурными полотнами над пролетарской столицей. Никому не протянет он своей крепкой, теплой руки и не улыбнется своей чудесной улыбкой, не скользнет быстрым, смеющимся глазом... Проклятая пуля пробила ему затылок и засела в мозгу и омертвила жизнь, убила Кирова—на радость врагам. А пролетарии плачут суровыми слезами и точат мечи для новых битв. По всей стране рокочет гром негодования, и город-гигант, город Ленина, очаг Октября, провожает своего вождя в последнее путешествие, на вечное ложе смерти. Вокруг гроба Кирова, где покоится его тленный прах, шумит жизнь, боевая и громкая: она слышна на весь мир, и никакие пули заговорщиков не смогут ее уничтожить. Она воплощена в миллионах воль, умов и сердец. Она пламенеет могучим пламенем в великой стране. Она уничтожит, как сухую сорную траву, жалкие остатки врагов, одновременно наглых и подлых, что стреляют сзади, как трусливые бандиты. Нет большего преступления, чем посягательство на лучших людей нового мира. И нет более священного исторического права, чем расправа с теми, кто подымает злодейскую кровавую руку на надежды всемирной истории. Марат писал когда-то: „Народ далек от понимания того, что единственный способ установить свободу и обеспечить себе покой заключается в том, чтобы беспощадно уничтожить предателей отечества и утопить заговорщиков в их собственной крови". Наш народ очень хорошо это понимает: его научили враги, что убили Урицкого и Володарского, что стреляли в Ильича и душегубствовали в гражданской войне. Но именно потому он и одержал столько побед. Мы теперь далеки от тех времен, когда змея блокады и голода душила нас, когда стервятники с золотыми погонами подходили к центрам нашей жизни, когда зловещие заговоры вспыхивали каждый день под ногами. Но тверда должна быть сталь наших мечей и беспощадны голоса наших судей, ибо через них говорит всемирная история...

□

Здравствуй, в последний раз, дорогой Киров, дитя народа, родной сын великого класса, верный боец великой партии! Мы хорошо знаем тебя, мы так скорбим о твоей гибели. Мы глубоко чувствуем, как много драгоценных даров дал бы еще твой творческий ум, твоя неиссякаемая энергия, твой великолепный талант, твоя воля и твоя человечность. Мы встречаем тебя сегодня клятвой, что ты будешь отмщен, и что в гигантском Пантеоне Грядущего к твоему праху будет итти широкая дорога...

Так приветствуем мы сегодня товарища Кирова, Кирова, что всеми корнями, как кряжистый крепкий дуб, врос в почву пролетарской революции. Его от этой почвы нельзя было оторвать. Ибо с детских лет он рос среди людей труда, и нужда ночевала рядом с ним, и горе кралось за ним по пятам своими тихими воровскими шагами, и нищета клевала его жизнь.

□

В тяжелых боях гражданской войны Киров выдвинулся в первые ряды большевистских армий. Это было время, когда история испытывает людей железом, кровью и огнем. И уже тогда товарищ Киров вдруг зацвел богатыми цветами своих исключительных способностей, скромный молчальник—стал огненным оратором, речь которого была громом и молнией, ураганом, океанской волной, торжественным гимном революционной борьбе и революционному труду; тихий исполнитель—стал первоклассным руководителем-организатором, смелым, инициативным, бесстрашным, умницей в своем огромном деле; глубокоштатский—боевым полководцем гражданской войны. Популярность его росла, и вокруг него образовалось точно облако любви, которым тепло окружала и грела его масса, его, своего любимца, преданнейшего солдата той партии, которая вела к победе.

В великих боях гражданской войны вырастал Киров—преданный сын партии—из солдат в полководцы, в руководители миллионов, идущих под знаменами Ленина—Сталина.

□

И вот товарищ Киров с простреленной головой будет сегодня в столице Советского Союза. Гвардия большевиков и ее штаб, и ее вождь, Сталин, будут провожать погибшего и скажут ему последнее „прости". Партия хоронит своего преданнейшего сына. Ее руководство хоронит вернейшего соратника. Он—чуткий и нежный—был беспощадно суров в принципиальных боях. И в годы острейшей классовой борьбы и колебаний внутри партии он со всей своей энергией крушил уклоны, стоя бок-о-бок со Сталиным, преданнейшим учеником которого он был. Его глубокая убежденность, его безграничная вера в правоту партии—проходя через каналы его изумительной воли—делались источником огромной силы практического действия. Вся партия мысленно стоит около его гроба. Миллионы рабочих, вся Советская страна, склоняют тысячи боевых алых знамен, повитых трауром скорби.

Пролетарская столица встречает тебя, Мироныч. Здравствуй, родной! Здравствуй!—говорим мы тебе, Мироныч, в последний раз...

(Из статьи Н. И. Бухарина в „Известиях").

РАНА

С. КИРСАНОВ

Как белый зимний день
от раны покрасней!
Она
у всех у нас,
все сердце в кровь пронитыная...
Товарищи, скорей!
Товарищи, теснее
вокруг товарища убитого!
За жизнь большевика—
убийце
мал расстрел,
за то, что из рядов
такую силу вырвал...
Вот только в октябре
весь Ленинград смотрел
в лицо спящее
Кирова...
Взлетают шапки вверх,
летят его слова,
и вдруг слова про смерть,
и весь в лице изменишься...
Как будто в наших днях
погоны с плеч сорвав
застрял
лазутчик от Юденича.
Врагу слепит глаза
наш день
и новизна,
встающая
в боях
громада коммунизма,
ему
и свет, и смех,
и песня, и весна,
и наша гордость
ненависна...
Обрез на револьвер
меняет подлый зверь,
клешней ощупывает
холод дула злого,
Он идет, идет, идет,
бочком проходит в дверь...
Мне трудно
выговорить слово:
— Убит.
Как траур, ночь
огромна и черна!
Чуть слышен выстрел был—
каким он громом грянул.
От пули гаденькой
как чувствует страна
большую
огненную рану!
И зимний белый день
от раны покрасней...
Она у всех
у нас,
все сердце в кровь пронитыная...
Товарищи, скорей!
Товарищи, теснее
вокруг товарища убитого!

У ГРОБА

А. ТОЛСТОЙ

На набережной нескончаемые колонны людей теряются в сумерках. Над головами — керосинные факелы, тускло освещенный бархат знамени и кумач лозунгов.

Нева в отражениях огней дальнего берега разостлала траурные воды у подножья великого города науки, тяжелой индустрии, искусства.

Мы вместе с делегатами Нарвского района долго ждем в одной из комнат Дворца. Сидим на партах. Здесь писатели, артисты, молодые инженеры Путиловского завода, старый кузнец в очках, спаянных оловом, работница в вязаном платке, молодой рабочий с костляво худым лицом, академики, профессоры, ученые, известные всему миру. Это все почетный караул тов. Кирова. Нас строят по четыре человека, впереди пограничник указывает путь к гробу. Идем через пустую комнату, где в раскрытые окна врывается ветер. Входим в зал, залитый светом. Между огромных колонн спадают шелковые красно-черные полотнища знамен. Лилово-голубоватый свет юпитеров. Высоко стоящий гроб, слегка приподнятый в изголовье, покрыт розами. В изголовье белые цветы, чтобы отчетливее было видно лицо почившего большевика.

С. М. Киров лежит среди роз. Большой лоб его перерезан тремя морщинами. Каштановые хорошие волосы откинуты. Короткий сильный нос с большими ноздрями, жадно вбиравшими воздух жизни. Рот гордо сложен, углы его опущены. Воротник френча врезан в сильную шею. Таким он лежит перед ленинградским пролетариатом. Как будто бы для того, чтобы после смерти огромной значительностью своего каменного лица еще раз вселить в сердца мужество и священный гнев. Стою рядом с танкистом в черной коже. Он неподвижен. В блестящих глазах молодая сила. Винтовку он держит немного наклонно, и штык, смазанный маслом, остер, тверд и предостерегающ.

Ленинград.